

ИГОРЬ
НЕПОМНЯЩИЙ

СМОТРОВАЯ ПЛОЩАДКА

*И наша жизнь стоит перед нами,
Как призрак, на краю земли...
Ф. Тютчев*

СНЫ ПАМЯТИ

*Оттолкнись от песчаного берега-времени словом-веслом,
И по тёмно-лиловой зеркальной воде заскользит плоскодонка...
Всё, что некогда в будущем сбудется или же было в былом,
В этот миг пограничный откроется сердцу ребёнка.
Над просторною лодкой в лазури озёрная чайка летит,
Под порывами теплого ветра ликуют прибрежные ивы,
И всё так же отец-водогрѣбщик на вёслах бесшумных сидит,
И бессмертьем помечены все , кто пока ещё живы...*

Из ненаписанных стихов

Осень в Сураже

1.

Затемно, примерно в восемь,
Серый дождь заморосил...
У калитки мнется осень -
Кто ее сюда просил?
Топчется, надвинув на лоб
Темный, плотный капюшон, -
Только бы не слышать жалоб
Разгремевшихся ворон...

В эту пору домоседов,
Не прочухавшись от сна,
Погружусь я в свитер дедов,
Молча сяду у окна.
Так за стеклами убого -
Даже совестно глядеть,
Как над глинистой дорогой
Лист пытается взлететь -
И не может.

Отсияло

Бабье лето и ушло...
Безразлично и устало
В раме дребезжит стекло.
Только в том и есть отрада
(Но, увы, не благодать),
Что до часа снегопада
Все же не рукой подать...

2.

Дождь стучит не смолкая
От темна до темна
И по доскам сарая
И по стеклам окна.
В обнищавшем просторе -
Чу! - колодезный скрип,
И бесстыднее горе
Этих кленов и лип...
Ах, на липах и кленах
Нет нательных рубах...
Послевкусье соленых
Слез горчит на губах.
И, как будто из бездны,
Все звучит надо мной
Голос плоти небесной,
Породненной с земной.

В восемь строк

...В просвете бытия...

Хайдеггер

1

М. Шилину

Сентябрь, и снова ранняя заря,
Сквозь кроны пламенеющая резко, -
Как будто на стене монастыря
Бог знает кем исполненная фреска.
Земля тиха. Вселенная пуста.
Природа и душа играют в жмурки...
И яркие до безумия цвета:
Багрец и синь - на бледной штукатурке.

2

Кострами оранжево-красными
Весь месяц гудели дворы,
И воздух дымился соблазнами
Последней жары.
А нынче, в узорчатом инее,
Под небом, спаленным дотла,
Так хочет казаться невиннее
Остывшая за ночь зола.

3

А. Левинскому

Куда ни посмотри - капканы да силки,
Загоны, западни, решетчатые сети...
И, знаешь, никуда не деться от тоски,
Особенно пока живешь на белом свете.

Невесел тот удел, и доля тяжела
Не то чтоб крест нести - влачить ярмо на вые.
...А ежели на миг приснятся два крыла,
То будут и во сне, должно быть, восковые.

4

Время затекает, как рука,
Время протекает, точно крыша...
Поздновато звать часовщика,
Рановато звать гробовщика,
И такая, знаешь ли, тоска
По ночам скребется у виска,
При лучинном свете ночника
Возражений Логоса не слыша...

5

...Вот так и коротает ночь за ночью
Мой *бедный разум* (как писал Поздняяев):
В конце сюжета ставит многоточье,
Гостей не отличает от хозяев,
Живых от мертвых, лица от мишеней,
При изученье здешних аномалий
Отстаивает принцип различений
В истолкованье реплик и деталей...

6

Как стенали в потемках
  облетавшие тополи -
Или, если по-нынешнему, тополя,
Мы, как водится, снова проморгали, прохлопали,
Но отчаянья их не забудет земля.
Точно в кадре Андрея и в слове Арсения,
Время поймано в сети, но не побеждено,
Если в темное, ртутное утро осеннее
Молча слушаешь ливень и смотришь в окно.

7

Что тебе сокровища буколики,
Если то угадано тобой,
Что издревле в крестики и нолики
Бог играет с каждой судьбой?
И твоя судьба не исключение -
В целом мире знаков нет иных:
Крест и круг одни струят свечение
В глубине галактик ледяных...

В час перехода, несмотря на
Тот факт, что вечность холодна,
Заря останется багряна,
Трава погоста - зелена,
Слеза - тепла и солона,
Господня воля - безымянна,
И даль грядущего - туманна...
...и быль вчерашнего - тесна...

...А помню даже то, чего не вспомню,
И в колыбельной немощи ночной
Воспоминанье кажется огромней
Случившегося наяву со мной:
Садится солнце.

Лентой золотою
Под слабым ветром зыблется волна,
И желтая кувшинка над водою
Близ лодки нашей в сон погружена.
Картины этой некому обрмить
И нечем - до того слепого дня,
Пока в домовой серой книге

память

Не вымарает запись про меня...

.

Пентаптих

Яну

1. Вот фото в рамочке:

В тени, в овражке,
(На щечках - ямочки,
В руке - ромашки)
Стоишь на выходе
В бескрайность лета
По странной прихоти
Листвы и света.
Глядишь (не в оба ли?),
Глаза прищуря,
На зелень тополя,
На блеск лазури,
Дитя крылатое,
Взмахнув руками,
Паришь не падая
Под облаками.

2. Июнь в разгаре, и

Нет дела проще,
Чем сбор гербария
В саду иль роще.
А время смертное
Бежит по кругу,
Ничем не жертвуя
Врагу и другу.
Оно, как дерево,
Слышней во мраке -
Поди измерь его
Следы и знаки.
Но то мгновение
Отваги ранней
Все драгоценнее,
Все первозданней...

3. Младенцем (кажется,
Лет в пять - не боле)
Душа отважится
На подвиг боли,
И, с этим опытом
Вдвойне сильнее,
Отныне, что бы там
Ни случилось с нею,
Как ни освистывай
И чем ни мучай,
И в зной неистовый,
И в холод жгучий,
Монашка-странница,
В борьбе с судьбою
Душа останется
Самой собою.

4. Какая разница,
Весна ли, осень?
Все так же дразнится
С волною просинь,
Все та же в облаке
Сквозит немилость,
Но что-то в облике
Земли сменилось.
Повадки летние
Пришлось отбросить,
И все приметнее
Утрами проседь,
Дворы просторнее,
Пирьы мрачнее,
И звуки горние
Сердцам слышнее.

5. Еще не выпали
Снега покуда...
Березы, липы ли -
Все жаждут чуда.
Стояли в золоте,
Но, все растратив,
Теперь, как Золушки,
Ждут бальных платьев.

И все им грезится
В ночи осенней
При свете месяца
Преображенье,
И все им чудится,
Что в миг развязки
Все с ними сбудется,
Как в зимней сказке...

Кузнечик (*Tettigonia viridissima*)

1

Под мерцанье звездных свечек,
Звук секретнейший даря,
Знай себе звенит кузнечик
В разнотравье пустыря.
Не отлынивай - пиликай,
Братец мой, моя родня,
Будь ты здешним горемыкой,
Гордецом, шутком, владыкой, -
Услаждая слух музыкой
В поздний час большого дня,
Хочешь выкай, хочешь тыкай,
Только не забудь меня...

2

Не в теплице гладиолус, а
Здесь, на краешке овражка,
Что за слово мне вполголоса
На ухо шепнет ромашка?
А за ней, привстав на цыпочки,
Под сиянье звездных свечек
На своей еврейской скрипочке
Что исполнит мне кузнечик?
Оттого ль, что время позднее,
Или по иной причине
Ты, кузнечик, виртуознее,
Чем маэстро Паганини?
То ли Брамса, то ли Штрауса
На одной струне играя,
Защити меня от хаоса,
Приоткрой калитку рая...

В утешение бродяжке
И на радость детворе,
Где-нибудь в глухом овражке,
На сиротском пустыре,
Меж картонною коробкой
И обломком кирпича,
То отчаянный, то робкий
И тишайший, как свеча, -
Этот звук существования
Не прервется ни на миг
И не требует названья
Из латинских трудных книг.

Из детства

1

О домовитая ласточка...

Державин

Поздний август. Дедов дом. Крылечко. Лампочка
Над крыльцом - под капюшоном жестяным.
Тянет дымом и дождем. И вьется ласточка
Над постройкой с отоплением печным.
Мне, наверное, лет семь - едва ли более,
А дожить намерен минимум до ста,
И неважно мне, что где-то есть магнолии -
Мне довольно и крыжовника с куста.

В тонком сумраке светлей забор некрашенный,
Черным толем утеплен шалаш в саду...
За водою из артезианской скважины
Вслед за бабушкой с пустым ведром иду.
Дотлевет летний день, теплом не балуя,
Весь насквозь подобен тающей свече,
И горит заката лента темно-алая
Там, вдали, у влажной липы на плече...

2

Вечерний дождь прошел. Настала тишина.
Волнистый дым дрожит над крышей пятистенка.
Окно открыто в сад, и в глубине окна -
Про синенький платок поющая Шульженко.
Там горе, и любовь, и тайная вина
Пред каждым и любим, кого взяла война...
Вина слышна и мне, и яблоням слышна,
И тем вон облакам - свинцового оттенка.

Дорога от дачного поселка
Вдоль железки было б покороче,
Но идем не этой, а другой:
Мимо небольшой ольховой рощи
По тропе просторной луговой.
В этом есть особенная фронда:
Выбрать ту из них, что далека,
И как будто из-за горизонта
Слышится гудок паровика...
У отца корзинка с земляникой,
Три больших пиона - у меня,
И лежит пред нами путь великий
С ношей этой на исходе дня.
Мы с утра пололи и рыхлили,
А когда пошла на спад жара,
Каждый помидорный куст полили
Досыта из лейки и ведра.
...В этот час и нам не нужно слова,
И ольхам, и травам луговым.
Кажется, что там, в тени лиловой,
Ближний космос кажется живым.
Летний вечер, медленный и длинный,
Мятой и ромашками пропах,
И веселый, теплый вкус малины
Тихо тает на его губах...

Зимние сумерки в Клинцах

1.

Нет, не полон тишиной
Городок на склоне дня...
В санках с горки ледяной
С визгом мчится ребяшня.
Воздух дымно-серебрист,
Золотист прозрачный смех...
Полоза веселый свист
Разделен - один на всех.

2.

Там, за гребнем сосняка,
До прозрачности легки,
Слышатся издалека
Привокзальные свистки.
И чудеснее вдвойне
В эти матовые дни
В темных комнат глубине
Елок цепи и огни.

3.

Накануне Рождества,
Где-нибудь за пару дней,
Темных сосен синева
Кажется еще синей.
Будь то след от сапога
Или малый птичий след -
Молчаливые снега
Сохранят любой секрет.

4.

Бесприютностью страха,
По-сиротски стынет даль,
Да и ты, моя душа,
В этот час не сирота ль?

В пограничный этот час
Кажется, что каждый куст
Под прицелом чьих-то глаз
И во власти чьих-то уст...

5.

А часов примерно в пять
Иссякает свет зари.
Значит, время зажигать
На бульваре фонари.
Вот старик спешит в собес -
Тянет за руку внучка...
...И звезда глядит с небес
На дитя и старика.

Весна в детстве

1

Школы нет, и бьешь баклуши...
В мире снежно-голубом
Черные лоснятся лужи,
Желтый пар стоит столбом.
И, как будто вся из шелка,
Прихотлива и гибка
Перламутровая холка
Молодого голубка.
Полдень холоден и ярк,
Двор в строительных лесах,
И не сосчитать помарок
На земле и в небесах.
Позабыв о стопке книжек,
Ветер чувствуя плечом,
Напеваешь "чижик-пыжик",
Не хлопчешь ни о чем.

2

Во ржавом желобе дрожит вода,
А поступь голубя - легка, тверда...
В пальтишке мартовском среди двора
Вихрастым мальчиком топчусь с утра.
Везде проталинки... Разор, разгром...
И вязнут валенки в снегу сыром.
Весна, каникулы... Забыт портфель!
И флейтой пикколо звенит капель.

Снегопад в марте

...Роднее бывшее - всего...

М. Ц.

Мутен и отечен,
Матовый снежок
Тлеет вдоль обочин
Городских дорог.
Как бы исподлобья,
Сердце тяжеля,
На седые хлопья
Смотрят тополя.
Еле слышен гомон
Галок и ворон,
Облака, должно быть,
В саже и в золе.
Ход времен изломан
Либо поврежден
(То ли в небе копать,
То ли на земле).
В смазанном пейзаже
Мартовского дня
Не приметить даже
Мальчика меня.
(Впрочем, и не надо:
Через столько лет
В чаще снегопада
Спрятан детский след.)
В нарушение цикла,
В этот ранний час
(Бредят мертвым светом
Призраки зимы...)
Прошлое настигло
Каждого из нас,

Даром что об этом
Не просили мы.
Это возвращенье
Бывшего всего
Есть развоплощенье
Духа в естество,
Точно чернокнижник
Выманен на свет
Из времен давнишних,
Как с чужих планет...
Нет и мне покою:
Стоя на углу,
(Под ногами - слякоть,
В поднебесье - дым),
Я смотрю с тоскою
В матовую мглу...
Мне б суметь заплакать -
Стал бы молодым.

Гравюра

М. Шилину

Вот вам гравюра:

Берег... весло...

В воздухе хмуро

И тяжело...

Жизни ли чьей-то

Ищется след?

- Где эта флейта?

- Нет ее... Нет...

...А на востоке -

Ну же, смотри! -

Как бы в намеке

Проблеск зари.

Чайка над морем,

В дымке фрегат...

- Что там, над горем?

- *Музыка - над!*

Н. В. Д.

Во снах земли: кувшинок, тростников,
И птичьих гнезд, и корабельных сосен -
Мерцает мир, не знающий оков,
По-женски нежен, по-мужски серьезен.
И в час, пока сама еще ничья
И одинока в мирозданье целом,
Душа припоминает те края,
Куда вспорхнет, когда простится с телом...

...И с теплых ладошек, и с кофточек и свитерков
Давно и с концами пропали чернильные пятна,
А в детстве казалось (и было вполне вероятно),
Что их нипочем не свести до скончанья веков.
А время, как водится, делало дело свое,
Да только вот пятен чернильных оно не сводило...
Но мать по субботам вручную стирала белье
И не экономила щелока, соды и мыла...

Розы Мятлева

Памяти матери

Видно, стал я не в меру догадлив,
Если нынче уснуть не дает
Мало кем вспоминаемый Мятлев -
Камергер, остроумец и мот.
Значит, есть безотчетная сила
У строки, излучающей свет, -
Той, что темное сердце смягчила
В череде потрясений и бед.

Ведь недаром же грустный прозаик
На закате сияющих дней
Средь прелестных парижских лужаек
Ностальгически вспомнит о ней.
И, тоскою бездомности ранен,
Нет, недаром как будто во сне
Повторяет ее Северянин
Там, вдали, на чужой стороне...

Среднерусская осень в разгаре,
Липа с тополем в желтом бреду,
И давно разоренный розарий
Дотлевает в суражском саду.
Был я веком спрямлен и обманут,
Только все же остался в живых...
Я-то знаю, что розы не вянут
У подножия стел гробовых.

Старики

Памяти М. П. Еремина

1

В мимолетном промежутке
Между *завтра* и *вчера*
Расцветают незабудки
И не вянут до утра.
Эти синие цветочки
С легкою голубизной,
Привставая на носочки,
Тянутся к звезде ночной.
В садике воспоминаний
Нет волшебней лепестков -
Исполнителей желаний
Молчаливых стариков.

2

Шелохнется занавеска тюлевая:
Тесные подняв воротники,
Там, за окнами, собак выгуливая,
По аллее ходят старики.
Ни тебе обиды, ни истерики -
Никакой боязни *опоздать*...
Что с того, что там, в холодном скверике,
Все давным-давно не благодать...

3

Тюлевая занавеска
Сдвинута вправо,
и вид из окна
Полон пасхального блеска,
Разве что в небе сквозит седина.
Даром что боли в затылке
Каждое утро,
зато по весне
Верба в кефирной бутылке
У старика в непромытом окне.

Прислушиваюсь к старикам,
Внимаю их тревогам:
Их жалобам по пустякам
И разговорам с Богом.
У них сократовские лбы,
Трагические руки...
Уже не в рабстве у судьбы
Их торжества и муки.
Над ними полная луна,
И прах земной под ними,
И помнит только седина
Из их бывшего имени,
И знает только тишина
Их будущее имя.

Духота

Как железо, поблескивали облака.
В духоте цепенела листва.
Вот тогда-то откуда-то издалека
Мне впервые явились слова.

Я и думать не думал, какие из них
Будут ткать одежонку душе
Из свистящих, шипящих, зубных и губных -
Млечных "эль" и скрежещущих "же".

За окном кандалами звенела жара.
Запеленат крест-накрест жгутом,
Я не мог и поверить, что было *вчера*,
И представить, что будет *потом*.

В обе стороны время лежало, как путь,
А вернее сказать - как стезя.
А шагнул на нее - и уже не свернуть:
Не под силу, а также нельзя...

Но свободная речь пробивалась в меня
Всею ложью людских голосов
На исходе огромного майского дня.
Двадцать пятого. В восемь часов.

Ночной дождь

... И все бормочет в одиночку...

Б. Н.

Полмира бессонницей мучит,
И, что бы ни произошло,
Нисколько ему не наскучит
Постукивать пальцем в стекло.
По-варварски что-то лопочет,
Ничуть не заботясь о том,
Кто исповедь эту упрочит,
Удержит во мраке пустом.
Как призрак, за шторой маячит
И в серый предутренний час
Секрет равновесия прячет
От чьих бы то ни было глаз...
Но кто же его закавычит
В ту пору, когда за окном,
Незримый, бубнит и талдычит,
И все об одном, об одном?
Кто слову его обеспечит
Бессмертье в моем языке,
Покамест по-детски лепечет
В какой-то недетской тоске?..

Прикосновение

Памяти отца

Быть может, и правда,
    что в том пропыленном Ташкенте,
Вдали от солдатских - изрытых страданьем - дорог,
Еврейский подросток, согласно семейной легенде,
Своими глазами увидеть Ахматову мог.

В жестокий полуденный час азиатского жара
Под пепельным небом, как будто сожженным дотла,
На улочке узкой вон та вековая чинара
Под темные своды зазвать бы обоих могла...

Мне снится все это: широкая крона платана,
Белесое небо, и двое, сродненных судьбой
На улочке тесной,
    и некая древняя тайна,
Что сердцу открылась, чтоб сердце вести за собой.

(А где-то, с востока на запад, стучат эшелоны,
И братья воюют, и младший еще не убит,
И сложенный вчетверо серый листок похоронный
В руке у библейской Эсфири еще не дрожит.)

Мне хочется думать, что так оно все и случилось:
Мальчишеской тени касается женская тень,
И в то же мгновенье какая-то высшая милость
Собой осеняет огромный безветренный день.

В полуденном пекле и воздух горяч и громоздок...
Тогда, в сорок третьем, не ведая, кто перед ним,
Навеки, навеки останется этот подросток
Великою тенью от смертного зноя храним...

Работа гримера

В Иуде ли он прозревает Христа,
В Христе ли Иуду -
Работа гримера как будто проста,
А все ж таки родственна чуду.
Он месит твой образ, как глину гончар, -
Испытанный метод...
На что ему этот внимательный дар?
На что ему промысел этот?
Сегодня - Арбенин, сходящий с ума,
А завтра - Отелло,
Сегодня - белила, а завтра сурьма
Потребны для бренного тела.
Затем ли, чтоб высший исполнить заказ,
Сей гений подобий
Толпе на потребу все лепит из нас
Князей, и бродяг, и холопей?
...Вот этот - гротескный, а тот - возрастной:
Накладки... наклейки...
А мог бы под кленом в полуденный зной
Сидеть да играть на жалейке,
В Илье бы, как следует, видел Илью,
В Петруше - Петрушу...
И, может быть, понял бы душу свою,
Всего-то - бессмертную душу.

В июле

1

Дождливо. Прохлада.
Лишь в дальней аллее
Суражского сада
Немножко светлее.
На донце овражка
Во влажной кольчужке
Мерцает ромашка -
Сестрица хлопушки.
...А хрупкая тайна
Тенистого света
Почти что случайна
Для слова поэта.

2

Свод верандочки тенистой:
Полдень. На краю стола
Ломтик дыни маслянистой,
Золотистая пчела.
Свитая в полуколечки
И поблекшая с утра,
На неструганой дощечке
Яблочная кожура.
А за стеклами, над садом,
Дремлющие облака,
И как будто где-то рядом
Материнская рука.

В лугах
...Цветики степные...
А. К. Т.

1

Нет нужды в патетике.
Вот же на лугу
Имяреки цветики -
Ни гу-гу.
Тишина вечерняя
На сто тысяч верст
Длится под свечение
Августовских звезд.
Лепестки лиловые
Прячутся во тьму:
Никому ни слова и
Ничему...
Обрету ли знание
Их житья-бытья?
...Нет их безымяннее -
Разве только я...

2

Там, за стогом, там, за логом,
Там, за гребнем сосняка,
В небе сумрачном, широком
Дотлевают облака.
Пригород. Предместье рая.
Холод. Сумерки. Снега
Скоро лягут, просветляя
Потемнелые луга...

Следовательно, из шкапа
Снова доставать пора
Толстые пальто из драпа,
Кофточки и свитера.
Слабый запах нафталина
Сладок,
                    и слегка жесток
В кроне клена-исполина
Запозднившийся листок.

Два стихотворения

1

Сны памяти на ощупь домотканы:
Укутаешься в них - и впрямь тепло.
Вживаться в их случайные обманы
И есть, быть может, жизни ремесло.

Зацепишься за день, который прожит,
Как свитером за ржавый гвоздь в стене,
И только жаль, что быть навряд ли может
Воспоминанье о *последнем* дне...

2

Сны памяти неуследимы:
Поди свяжи концы с концами,
Когда одни лишь середины
Ложатся на сердце рубцами.
Когда бы стал я подсудимый -
То что б сказал я напоследок?
Ах, разве то, что середины
Вертели мною так и эдак.
Куда ни сунусь - промежуток:
То перешейки, то проливы...
Как говорится, не до шуток
Ввиду подобной перспективы.
От яслей вплоть до домовины -
Поди ж ты - только середины,
Все переправы, перевалы...
Все паузы да интервалы...

...А том почти уже долистан,
А шарф почти уже довязан,
И ждет душа, когда же пристань,
И верит святочным рассказам.
А где концы? и где начала?
Не проложу я общих русел,
И то, что было, с тем, что стало,
Не завяжу в единый узел.

1

В *плюсквамперфекте* (не сказать короче!)

Останется лишь то, что *полубыло*.

Действительно ль, как огненные птицы,

Там, где торжествовал Зевесов дух, -

В предгорьях тех балканских - те зарницы

В разломах душевной августовской ночи

Взлетали где-то с часу и до двух?

И правда ли, что видел их воочью,

Когда, облокотившись на перила

Гостиничного тесного балкона,

Весь обращался в зрение и слух?

2

За бортом теплохода, чье название

Из памяти моей навеки стерло,

Действительно ль темнели воды Рейна?

От вида тех прибрежных городков

В действительности ли сводило горло

И целый мир казался вертоградом

(И ты на верхней палубе , и рядом

Подросток сын , и на руки и лица

Молитвенно, почти благоговейно

Ложится тень - и это длится, длится -

Зеленых крон и светлых облаков)?

3

Реальна ли та женщина, с которой

Расстался ты на людном перекрестке

В том городе, безликом и чужом,

В том городе, родном и безымянном,

Та, набело живущая в наброске,

Та, с огненной каштановой копною

В закатный час над обнаженным лбом?..

...Во снах воспоминаний все двоится,

И нет того, кто б утвердил границы

Меж тем, что въяве, и самообманом,

Мистификацией и миражом.

Сестре

Преврати цветное фото
В черно-белое. На нем
Будут серыми ворота,
Тесный двор и низкий дом.
Дабы все междоусобья
Вовремя свести на нет,
В целях неправдоподобья
Приглуши небесный свет.
Гамма жизни монохромна -
Вот и кажется бедна.
Потому-то и огромна
Прожитого тишина,
Что вон там, в свинцовой дымке,
День за днем, за годом год,
Как на черно-белом снимке,
Наше прошлое живет.
Словно бы на старой пленке,
Различимы вдалеке
Папа с мамой в плоскодонке
Где-то на большой реке.
В эту пору ледостава,
Под надмирный скрип весла,
Пестрая земная слава
Так им кажется тускла...
...А на отдаленном плане
Сизо-матовой реки
Проступают, как в тумане,
Пристани иль островки.
Так же ли, боясь огласки,
Осень в поздние часы
Засекречивает краски
Среднерусской полосы?

Такая доля: жить в непонятой стране
И той страной быть не понятым вдвойне
И тайнопись ее распознавать во сне -
Иллюзии питать и призраков страшиться -
В конечном счете, что ж, досталась бы и мне,
Когда бы на нее достало сил решиться.

Зима... Пустой перрон... Вечерние гудки
Электропоездов... Слепые огоньки
В один и тот же миг близки и далеки...
Транзитный пассажир, уставший от транзита,
Маячу на ветру... гляжу из-под руки
Сквозь то, что помню я,
туда, где мной забыто...

В плюсквамперфекте
Маленькая поэма

*...Нет имени у Бога, ибо Сам
Он есть всеобнимающее Имя.
Б. Н.*

*Земное сердце стынет вновь...
А. Б.*

1
Тянулся август. Жёлтая луна
Светила вполнакала, оклика
Электrolампы в окнах трёхэтажки -
Одни под абажурами, другие -
Без.

Право, не без чувства ностальгии
Припоминаю эти времена:
Носили тюбетейки и фуражки,
И шепотом гадала на ромашке
О чём-то очень странном детвора.
Тянулся август. И текла жара
За шиворот расстёгнутой рубашки...
И дни текли, друг другу потакая
И всякий грех друг другу отпуская
(Молва мирская что волна морская), -
Такая уж тогда была пора.

В ту пору,
возвращаясь с огорода
(Три нищих сотки в четырёх верстах),
Как с яркими воздушными шарами,
С земными благодатными дарами,
Обычными в отеческих местах
(Корзинка яблок да пучок моркови

И три пиона королевской крови,
Хранившие средь каменных громад
Неуловимо тленный аромат),
Под шуточки десантника-соседа -
Весельчака с печальнейшим лицом -
Коричневый от солнца и усталый,
Отец меня устраивал на раме
Старинного того велосипеда,
Как если бы я был щеглом, скворцом,
А не дитятей со щербатым ртом,
И было меж отцовских рук, пожалуй,
Надёжно так, как никогда потом
Уже на свете белом не бывало...

И сердце, пересиливая страх
С законом притяженья расквитаться,
Уйти в зенит и навсегда остаться
В каких-то фантастических мирах
(Ах, вот она, желанная свобода,
Когда тебе всего четыре года!),
Как будто знало: в том его победа -
И ликовало в эти вечера.

Тянулся август. И текла жара...
В пределах зеленевшего двора
Под куполом живого небосвода
(Сто тысяч звёзд сияли нам тогда,
И среди них Полярная звезда -
Путеводительница морехода)
Отец мой делал круг, а то и два
На том велосипеде.

Трепетала

В том сумраке, прозрачном и густом
Одновременно, как бывает в детстве,
Когда ясней разгадка соответствий,
Подернутая желтизной листва
Большого клена в тесном палисаде:
Как бы приготавливая торжества
Осенних тризн, аукалась с луною,
В лиловости мерцавшей желтизною...
И всё в округе как бы умолкало -
По совести, кому нужны слова?

(- Где клены те - скажите, Бога ради? -
Твердишь сегодня в душном снегопаде,

Немотствующем в сумраке пустом,
И ловишь воздух почерневшим ртом).

А там, за палисадником, с верёвки,
Протянутой меж ржавыми столбами,
Свисали наши майки и носки,
И детские воздушные панамки,
И (ловишь воздух белыми губами)
Те ситцевые мамины платки:
Один в горошек, а другой в полоску...
(А впрочем, фото в самодельной рамке,
Нововведеньям века вопреки,
Все тут...)

А время вяжет узелки
И, надобно признать, не без сноровки
Использует ловушки и уловки:
Капканы ставит, мастерит силки...

...Всё то, что прожил я, подобно воску.

...Но ты, душа, всё внемлешь отголоску -
И не познать
                                смирнее тоски.

2

Тогда и там
                                вещания ночного
(За неимением опыта иного,
Который был бы кем-то подтвержден)
И знать не знали.

                                На границе суток
Обычно прекращалось то вещанье,
Приманчивое, точно обещанье
Грядущих, ослепительных времен.

(Для нынешних-то дней по-детски рано
И, кроме шуток, делается жуток
И кажется огромен промежуток, -
Сказать иначе, черная дыра
Всего-то в ночь, - меж завтра и вчера.)

И диктор, с черно-белого экрана
(Сперва "Рекорд", а после "Электрон")
Прицельными глазами Минотавра
Смотревший в лица бабушки и деда,
Отца и дочки, матери и сына,

По-жречески торжественно и чинно,
Как бы во что-то свыше посвящён,
Читал программу передач на завтра
(А *завтра... завтра* - новая победа
Под плеск и шелест шелковых знамен):

Спортивная трансляция (борьба ли,
Гимнастика, фигурное катанье,
Ледовой ли дружины испытанье -
На смертный бой похожая игра,
В особенности с чехами, в финале);
И поэтические вечера
На первом - и единственном - канале:
Твардовского сменивший Наровчатов,
Кулиев, Кугультинов и Гамзатов,
Ошанин, Доризо *et cetera...*;

По четвергам же - "Шахматная школа"
Для тех, кто не снисходит до футбола,
Но ищет столкновения идей:
Попеременно Авербах и Котов
Мальчишку учат дереву расчетов
И стратагемам эндшпиля - владей!

Иль детектив для жаждущих развязки -
Смыванья грима и срыванья маски
(Какая-то пропавшая безделка,
Он старший лейтенант, она сиделка,
Его любовь, погоня, перестрелка,
Не то иной какой-то тарарам);

Иль что-нибудь из здешних мелодрам
(Он бригадир, она глава цехкома,
Короткий взгляд - и "будто век знакомы",
На отдаленном плане пилорама,
Его дружки - любители "ста грамм",
Ее подруги - прихожанки храма,
Она упряма, но и он упряма);

И, каждый месяц, "Кинопанорама"
В ряду иных волшебных панорам;
И, каждый выходной, "В гостях у сказки":
Снегурки, Белоснежки, Синеглазки,
Емели да Иваны-дураки -
Сердец мудрее не было на свете

(Так верилось когда-то в сказки эти,
 А ныне сердце стынет от тоски);
 И каждый день - всегда в прямом эфире -
 (Заставка из Свиридова в начале,
 Каких бы в мире ни случалось драм,
 Не попускала мысли о печали) -
 Оптимистичнейшая из программ...

А за год где-то раза три-четыре -
 Концерт в Колонном зале: детский хор
 Под руководством, кажется, Попова
 Поёт про грозковые сны "Аврор".
 (О, эти леденцовые легенды,
 И эти образцовые акценты
 У Веденеевой и Балашова -
 Какое назиданье молодым!
 Да вот беда: что в мире образцово,
 За исключением кукол Образцова,
 Во Времени рассеется как дым.)

Стране всеобнимающего Слова,
 Как видно, позарез необходим
 Был этот пафос верности Заветам
 Как знак, что ход времен необратим
 (И -
     хоть, пожалуй, дело и не в этом -
 Еще и знак, что счет неоплатим
 За взятое займы отцом и дедом):
 На годовщину Октября, а следом
 На день родной милиции, а кроме -
 На чей-то достославный юбилей:
 Эдиты Пьехи, Клавдии Шульженко,
 Утесова (и, кажется, Кобзона)...

О, эти драгоценные ремарки,
 Что помнят всё, до малого оттенка!

...А метрах в сорока, во влажном парке,
 Темневшем в незашторенном проёме
 Огромной детской,
         сумрачно и сонно,
 Теснимый тепловозными свистками,
 Всю ночь под грозовыми облаками
 Клубился жаркий шорох тополей.

3

До холодов

                                примерно дней за десять,
За десять дней до первых холодов
Варили серый клей в железной миске
И разрезали старые газеты
(Пылившиеся где-то в кладовой,
На антресолях, или же в прихожей,
В стенном шкафу) на длинные полоски -
На лоскуты и ленты шириною
С ладонь четырехлетнего ребенка,
Дабы в оконной раме не оставить
Ни щелочки в канун грядущих стуж...
И запах, точно в мастерской столярной,
Тот самый запах, приторный и пресный
В одно и то же время, жил в квартире:
В гостиной, в детской, в спальней и на кухне —
На протяженье часа или двух...
Зато на протяженье полугода,
С начала ноября и вплоть до мая,
Нигде в доме не дуло, не сквозило,
И было всем — от мала до велика —
Как никогда потом уже, тепло...

С тех пор прошло без малого полвека:
Прошлялось, протопталось... протекло...

Меня знобит от тех воспоминаний,
Особенно в рождественские ночи,
Когда горит Полярная звезда
В морозном черном небе и когда
Туда, на тот же самый нищий скверик,
Заваленный тяжелыми снегами,
Стыдясь чего-то, что назвать не вправе,
Над чем-то безымянным торжествуя,
Смотрю я сквозь холодное стекло.

ГЛУХОЕ ОКНО

*И если, допустим, кто-нибудь ближний или же дальний
вымолвит, вроде бы утешая: step by step,
То что услышится мне, уроженцу и старожилу местности этой?
Разве что - степь да степь...
В суставах боль преодолевая, вот так, вот так,
шажок за шажком, шажок за шажком,
Идём, спотыкаясь, - куда-то идём поврозь по заглохшей ночной дороге...
А между тем кругом
Всё та же - глухая - скифская степь простирается до поднебесья
в необоримой мгле,
И - нет, не видать ни свечи восковой в слюдяном оконце,
ни слабого уголька в золе...*

Вечерние прогулки

Чтоб не маяться простудой,
Одеваясь, говорю:
"Горло, знаешь ли, закутай,
Ибо дело - к декабрю".
Отсчитаю пять ступенек,
Дверь подъездную толкну;
Чей не знаю современник,
В небо серое взгляну.
Под ногами - хлябь и слякоть,
Но и в небе - срамота...
И хотелось бы заплакать,
Да не выйдет ни черта.

Часы ночью

Тиктактиктактиктактик -
Беспольный этот звук
Один в глуши галактик
Свидетель наших мук.
Когда в часы ночные
Сквозь сердце дышит тьма,
Свидетельства иные
Ничтожны для ума.
А как нас убивали
При вспышках грозových -
О том узнать едва ли
Кому-то из живых...

Глухое окно

В жилище моем вечерами темно.
А слово мое - что глухое окно,
И чудится: лишь распахни -
И тут же увидишь и тесный перрон,
Вагоны, и стаи хрипчивых ворон,
И небо, и в небе огни.
А может и то оказаться за ним:
Бревенчатый дом-пятистенки, и дым
Над ветхою кровлей, и сад
На солоноватом и влажном ветру,
И хочешь ладонями гладить кору,
Как делал полвека назад...
Глухое, оно и выходит туда,
Куда не посмеешь взглянуть без стыда,
А может быть, и со стыдом,
Там ветер недвижим
и лгут зеркала
О жизни, которая с кем-то была
И с кем-нибудь будет потом.
Оттуда мне кто-то кивает: "Пока...",
А кто-то зовет меня издали,
А кто-то становится мной...
Но стоит приблизиться к створкам окна -
А там, как и прежде, глухая стена,
И нет ни души за стеной.

Зимнее утро

Холод. Сумерки. Барокко
Крон каштановых. Сорока
На железе водостока
Будто ведьма и карга.
...Как же в мире одиноко:
Нет ни друга, ни врага,
Ни в Отечестве пророка -
Лишь снега, снега, снега...
...А на жизни след ожога,
Как пятно от утюга...

Евг. Черняховскому

Как дождь морозящий, и время течет,
И слышно, как в сумраке сером и кротком
Стучит по карнизам и листья сечет,
Струится по изгородям и решеткам.
А в Киеве нынче такие дела,
Такая тоска и такая тревога,
Что бьют в монастырские колокола
И просят не правды, а милости Бога.
И странности наши, и страсти, и сны,
И детские страхи, и поздние ноши
В течение времени погружены
И, кажется, тем безотчетно похожи.
И в этой сродненности, что там ни есть
На свете безумия и святотатства, -
Почти дуновение, беглая весть
О неразрушимости чуда и братства.

Весна 2014-го

Диоген

В пифосе из обожженной глины
(Благо что земля его тепла)
Он смотрел на сонные Афины,
Слушал ночь и знал природу зла.
В лишнем - корень всех скорбей и бедствий,
Без него куда вольней идти:
Гимны петь богам и пить, как в детстве,
Ледяную воду из горсти.
...А когда заря над морем гасла,
Бредил он в потёмках полусна
Запахом оливкового масла
Или виноградного вина.
Здесьней жизни нищий соглядатай,
В сотый раз, как будто в первый раз,
Милостыню он просил у статуй -
Приучал себя терпеть отказ.

Смерть Вольтера

Вот уже лицо его как маска,
Гаснет жизни сальная свеча,
Но еще не сорвана повязка
С глаз его рукою Палача.
Не тогда ли с бешенством сатира
Утвердил он, пряча торжество:
"Если б Бога не было у мира,
Следовало б выдумать Его..."
Двести лет прошло в чаду свободы
После тех неосторожных слов,
Только нет, не приглушили годы
Стук о доски
                  срезанных голов.
Двести лет, а смертные рубахи
Нынче так же белы, как вчера,
И, как прежде, бредят бревна плахи
Лязгом топора.
...Ах, еще покажется бесценна,
А кому-то даже и мила
Славная задумка Гильотена:
Механизм для производства зла.
Два столба, мясницкий нож меж ними
На тугой защелке закреплен.
Острый месяц в сумеречном дыме
На парижский всходит небосклон.
И не знает ученик Вольтеров,
Как легко он этот путь пройдет:
От философов до *робесьеров*,
Со скамьи Горы - на эшафот...

Актер играет в интерьерах
Олигархического дома,
И монолог о крайних мерах
Звучит отчасти по-другому,
Чем он звучал бы, скажем, где-то
В окопе или же во храме,
В темнице или - в миг рассвета -
В сырых лугах под облаками.
Я знаю: не дано иного.
Ведь, если здраво разобраться,
Всегда зависит тайна слова
От перемены декораций,
И то, что мыслилось вначале
Бесспорнее, чем гибель Рима,
Окажется, к моей печали,
Уже не столь неоспоримо.

Рокайльный орнамент

Как в тенечке,
Внутри строки
Завиточки
И узелки:
Стебелечки
И лепестки,
Ангелочки
И пастушки.

В мизансцене -
Она и он,
В светотени
Сосна и клен,
А над кленом,
Совсем одна,
В мире сонном
Горит луна...

(Гул ракушки,
Похоже, был
На прослушке
У высших сил.
Не смолкая
Как тишина,
В ней морская
Шумит волна.)

В жизни хмурой
Постиг ли кто
Де Латура
Или Ватто?

Их капризный
И нежный свет
Ну-ка вызнай
Через триста лет.

Что там, поза-
Позавчера?
Гобелены
Да витражи,
В сердце греза,
В уме игра...
Гильотены
Острят ножи...

Чувство рока
Порой легко:
Не барокко,
А рококо.
И, не мучась, -
Как дар и честь,
Примешь участь
Такой, как есть...

Детективы

1

Артур Конан Дойль

Блажен тот век, когда в азарте
Все те, к кому судьба мила,
Блистательного Мориарти
Считали эталоном зла.
И град блажен, где светлый гений,
Кокаинист и детектив,
В распознаванье преступлений
Был артистичен и учтив.
Блажен и автор этих басен,
Поборник правды и добра,
И лондонский туман прекрасен,
И эта древняя игра
В добро и зло, в любовь и горе,
В философа и простака...
Пока безумный крематорий
Струит дымами в облака.

2

Коломбо

На первый взгляд неловок,
Нелеп и мешковат,
Ценитель недомолвок
Скорее, чем тирад,
Быть может, нет мудрее
На свете сыскаря -
С ухваткой брадобрея,
С усмешкой блатаря.
Рассеян ли, дотошен,
Серьёзен ли, смешон,

С бессменным макинтошем
Почти сроднился он.
Лукавый провокатор
В одежде простака,
Он если и диктатор,
То втайне и слегка.
До времени приветлив
И даже чем-то мил...
Но вот, чуток помедлив,
Он скажет: *ты убил*, -

И станет он, как фатум,
Всевластен и суров -
Патологоанатом
Людских страстей и снов...
Как будто век знакомы,
От этих цепких глаз
Не ускользнёт ни кто мы,
Ни что в сердцах у нас.
Но, как себя ни тратит,
Не смеет он понять,
Какую цену платят
За право обвинять...

3

Пуаро

Персонаж Агаты Кристи
Прозорливей, чем угро,
И не светит мне амнистий
От Эркюля Пуаро.
Он по части сыска дока:
Не прагматик, но поэт,
Как стрела, его дорога
Пролегла на много лет.
Все в нем славно: очи - зорки,
Ум - остёр, душа - смела...
По случайной проговорке
Он поймет источник зла.
Поразмыслив, свяжет факты,
Утвердится в *нет* и *да*
И в итоге скажет: "Так-то
Дело было, господа!"
Значит, так и было дело -
Быть иначе не могло...
...В парке липа пожелтела,
Лето, стало быть, прошло.

На ветру скрипят качели,
Дали - глуше и тусклей...
Впрочем, что я, в самом деле,
Средь пустеющих аллей
Все печалюсь о родимом -
О вошедшем в плоть и в дом
Нашим холодом и дымом,
И свободой, и стыдом?
Не в Париже иль Стамбуле -
От Орла до Воркуты
Всякий знает об Эркюле,
Виртуозе правоты.
Что со всеми нами будет -
Он предскажет без труда,
На забвение осудит.
И забудет. Навсегда.

Вот женщина с младенцем. В полдень летний
В живом саду и тень и тишина.
Ах, в целом мире нет новозаветней
Картины их томительного сна.
Не дай Господь, чтоб снова похоронка
Навзрыд пробил эту тишину...
Как невозможно уронить ребенка,
Так невозможно развязать войну.

В электричке

*...И осенняя белая копоть
Паутиною тянет в окно...*

Б. П.

Две косынки в горошек,
И в плетеной корзинке у ног
То ли дремлющий ежик,
То ли ниток белесый клубок.
Как темны эти руки!
И в ложбине у впалого рта -
Нет, не близость разлуки,
А скорее земная тщета.

... Разговор не цветист их:
Глуховато и как бы не в лад
О сынах-трактористах
Меж собою они говорят:
Дескать, этот пройдоха,
Между тем как другой - семьянин,
Но обоим неплохо
Средь отеческих скудных равнин...

...А под говор колесный -
Все бегут за холодным окном
То березы, то сосны
В полусумраке этом дневном,
Вслед за поездом скорым
Прошумит и товарный состав,
И откроется взорам
Даль темнеющих пашен и трав...

И, случайный свидетель
Их медлительных, трудных речей,
Я, как рама без петель,
В той беседе как будто ничей.
Молчаливо, должно быть,
Уходящее ввысь полотно,
И осенняя копоть
Паутиной не тянет в окно...

... Я выбрал залив...

Д. С.

Каков ты ни есть,
Но в зрелости все же
Не совесть, а честь
Для сердца дороже.
Что это не ложь
И не оправданье,
Не сразу поймешь -
Оценишь с годами.
В своем далеке
От наших разломов,
О том в дневнике
Писал и Самойлов.

Памяти Александра Галича

1

Ничего не следует бояться -
Даже горькой участи паяца,
Нищего шута при короле,
Незачем бояться на земле.
Никого не следует страшиться:
Стоит лишь единожды решиться -
И не будет страха никогда
В сердце, не свободном от стыда.
Стыд и страх - едва ли совместимо:
Где один - другому места нет,
Нет и быть не может карантина
Для души, явившейся на свет.
Что и чем судьбу определяет,
Вряд ли чтоб узнать в пути земном...
...А душа себя овеществляет
Только в Слове. Только в Нем одном.

2

Смотреть на то, как корчатся слова,
В то время как талдычит их братва,
Которой все на свете трын-трава, -
Смотреть на то почти невыносимо
Для сына твоего, родная речь,
Для твоего тоскующего сына...
И как тебя от срама убережь
В те дни, когда из ножен рвется меч?..
И вряд ли чтоб с согласия Серафима...

3

Вот - срамные скоморохи,
Вот - спесивые бояре ...
Два лица одной эпохи,
А вернее - оба хари.

В каждодневной клоунаде
Оскорбляя образ Божий,
Все горластей эти... дяди...
Все румяней... все пригожей...
В беломраморных хоромах
Иль в дощатом балагане,
Но никто из них не промах -
Не пойдет на поруганье,
И едва ли встретим реже,
Чем по юности встречали,
Маски волчьи и медвежьи
В их свирепом карнавале.

.....
Не дает уснуть тоска мне,
Но живёт надеждой Слово,
Что еще дымятся камни
Праги шестьдесят восьмого.
И твержу я на ночь глядя,
Что невмочь дышать от гари
В надвигающемся смраде
Человеку - Божьей твари.

Памяти Окуджавы

...С веселием на лице...

Пушкин

Как быть тому, кто долго жил на свете?

Терпи и верь, что искупленье будет...

А в синагоге, в церкви и в мечети -

Друг друга то и знай клянут и судят.

Адепт Евангелия,

сын Аллаха

Иль сумрачный хасид с надменным взглядом -

Все жаждут одного: восстать из праха,

И знать не хотят ни с кем, кто рядом.

Навылет этот век гордыней ранен,

И, полагаю, быть не скоро снимку,

Где вместе иудей и мусульманин,

Где славянин и англосакс - в обнимку.

...Метет... метет... Опять во тьму седую

Смотрю я, доверяясь лишь метели.

На имя "Я Шарли" не претендую:

Нисколько не Шарли я...

В самом деле,

Не то что на богов - и на людей-то

Сносить мне тошно пасквили и шаржи:

Не для того с небес упала флейта,

Чтоб я играл воинственные марши.

Охотников до бравой сей музыки

И без меня довольно в мире этом...

И только Тот, "с веселием на лице",

Запоминая, всё глядит вослед им...

Певцы 60-ых

И. К.

На краю шестидесятых,
По-космически крылатых
И конечно же ни в чем
Никогда не виноватых,
Ныне ставших миражом,
Нет ни бедных, ни богатых -
Все равны в пути большом.
Великанова, Утесов,
И Шульженко, и Бернес -
Нет, как видно, к ним вопросов
У ЦК КПСС.

Длится их земная слава...
А на краешке скамьи
Притулился Окуджава:
Пишет песенки свои,
То печальный, то лукавый, -
Для эпохи ледостава
Что-то вроде полыньи...
И на кухоньках московских
Вот уже не первый год
Некто Галич о цековских
Да о лагерных поет...

Памяти поэта

Может Родина сына обидеть...

А. М.

Толкует ли он о правде,
Витийствует ли о кривде -
Оставьте его, оставьте
И тем уже осчастливьте.
Пушай он один побудет:
Заплачет иль засвистит,
За что-то себя осудит,
Но что-то себе простит...
От ладожских льдов блокадных
Навеки ему досталась
В пределах безблагодатных
Ко всем безутешным жалость.
И жалости этой сила
По жизни его влекла...
И, может быть, это было
В нем выше добра и зла.
На старости лет чужбина
Взяла его на поруки,
Тогда как отчизна сына
Опять обрекла на муки.
А впрочем, судьбе такое
Продельывать не впервой...
Оставьте ж его в покое,
Покамест еще живой...
Потом уж его ославьте:
Скажите, что он и кривде
Служил, а не только правде
И было их - фифти-фифти;

Потом уж взхлеб злословьте
На всех земных языках
О прохудившейся кофте
И стоптанных башмаках.

1

А. Ч.

Чего там стоят вирши наши -
Ни слова, знаешь ли, пока
Не обнажится дно у чаши
В тот миг последнего глотка.
А если даже и не стоят
Ни шиллинга и ни гроша,
То все же, будто астероид,
Порой и в них мелькнет душа.
И знает разве что историк
(Но, к счастью, умолчит о том),
Что Гамлету ответил Йорик,
Оскалившись щербатым ртом.

2

Такая славная охота, так весело попиروвали...
Не дай нам, Господи, без счета гробов на этом карнавале.
Ужели снова в камуфляже, прикупленном в соседней лавке,
Бить наповал в чужом пейзаже того, кого зачислил в сямки?
А маски снимем - ужаснемся и, ужаснувшись, вострепещем,
В себя придем, к себе вернемся... Хоть нищим возвращаться не с чем.

30. 05. 2015

Формула присутствия

Хоть невнятица
И распутица -
Что-то сладится,
Как-то сбудется,
Перебесится,
Перемелется,
Что пригрезится -
Тем поделится...
И доверится...
И утешится...
Как отмерится -
Так отрежется.
Что-то склеится,
Как-то сложится...
Не развеется -
Подытожится.
С чем-то стерпится,
С кем- то слюбится...
Не отвертится...
Не откупится...

Как же, Господи, тесно у нас, на просторной земле...

Как пчелиные соты,
Блещут в медленных сумерках сотнями окон высотные наши дома.
И тоскующий Гамлет-флейтист все никак не найдет пожелтевшие ноты,
И несчастная дочка Полония, знаешь ли, больше не сходит с ума.
И покамест еще меж собой не свели мы последние, грозные счета,
Нам едва ли удастся до корня понять это древнее *быть иль не быть...*
Потому-то, быть может, томительный Зилон и жаждет утиной охоты,
Что еще не расстался с надеждой хоть там никого,
никого не убить.

Последняя роза

...Лишь ты одна, царица-роза...

Фет

Следов ежеутренней влажной уборки
Не спрячет весь этот простор -
Так едкие, жуткие запахи хлорки
Больничный хранит коридор.
И сумрачно, будто в пустующем храме,
И воздух шершав и суров,
И, ближе к ограде, чернеет кругами
Зола от недавних костров.

На клумбе пустынного этого парка -
Вне сметы и календаря -
Последняя, хрупкая роза неярко
Мерцает в конце октября.
Я вижу: ее лепестки потемнели
И стебель морозцем подбит -
Как видно, в течение последней недели
Немало случилось обид.

С опаской, боясь повредить благодати
Немеркнувшей жизни земной,
Рабочая

парка

в лиловом халате

Обходит ее стороной.
И словно бы в память о музыке Фета,
В печалях ненастного дня
Последняя роза военного лета
Еще утешает меня...

Перепись населения

Не за-ради развлечения,
А для ясности во всем
Всех подряд, без исключения,
В длинный перечень внесем:
Звероловов и охотников,
Трубачей и скрипачей,
Садоводов-огородников,
Булочников и ткачей,
Академиков и плотников,
Санитарок и врачей,
Завсегдатаев субботников -
Стукачей и палачей;
Тунеядцев, трудоголиков,
Олигархов, бедняков,
Иудеев и католиков,
Умников и простаков,
И вон тех , "с глазами кроликов",
Выпивох отпускников,
И солдатушек-соколиков
Для последних марш-бросков...
Беспощадная статистика
Всех поставит на учет,
И, конечно же, ни листика
В папках тех не пропадет:
Протоколы, заявления...
Подпись... круглая печать...
Сосчитаем население -
Станем ангелов считать.

...В утро серое, осеннее

Свод небес как решето...

...И не будет нам прощенья.
Никому. И ни за что.

Память-местоимение

Ты ничто, но и нечто, ты - та, что сама не своя,
Но себе на уме... Кто, скажи мне, тебе судия?
Очевидно, не он... не она... и, конечно, не я,
С давних пор навещающий странные эти края.

Нет такого судьи: никому, ни за что, никогда
Ты не выдашь секреты свои, потому что горда.
Так и станешь твердить: тот, который..., оттуда, куда... -
И сама пред собою, как свечка, сгоришь со стыда.

А в окне эшелона мелькают и годы и дни,
Как столбы верстовые... Но только об этом - ни-ни!
Точный адрес неведом... и точная дата темна...
И забывчивой жизни лишь ты отвечаешь. Одна.

...Те дни, что зазря профукал -
Протратил по мелочам,
Оравой тряпичных кукол
Являются по ночам:
Теснятся у изголовья,
Пеняют за неуют,
По поводу нездоровья
Рецепты в лицо суют.
По правде сказать, немало
(Да что там: полным-полно!)
Подручного материала:
Дешевенькое сукно,
Неструганая дощечка,
Закладка из дневника...
А смастеришь человечка -
И как-то нежней тоска...
Как в ярмарочном балагане, -
Должно быть, что не впервой, -
Из глины да из соломы
Епископы и шуты
Качаются вверх ногами
Над бездною мировой,
И, кажется, всем знакомы
Безликие их черты.
Вон тощий, а этот круглый,
Вон гладкий, а тот рябой,
Плакушки и ваньки-встаньки,
Пастушки и пастушки,
Тряпичные эти куклы
Кружат над твоей судьбой -
Несбывшейся жизни няньки,
А может, и двойники.

Смотровая площадка

Нет, не широким шагом, скорей шажком,
Не отводя от изломов скалистых взгляда,
Отодвигаясь от края (бочком, бочком,
Делая вид, что это кому-то надо), -

Отодвигаясь от края (в который раз
Произнести, наблюдая за тем, как море
Дыбится под тобою, насколько глаз
Может его охватить , находясь в дозоре), -

Отодвигаясь от края (вопрос *куда*
Если и не фальшив, то, увы, просрочен), -
Чувствуешь темным сердцем укол стыда,
Будто бы надавали тебе пощечин -

Ты же не принял вызова: не посмел
Или же оказался принять не в силах...
Мог бы, прижавшись к небу, постичь предел,
А коротаешь век свой среди бескрылых.

Мои поезда уходят - один за другим -
И знать не знают, что им я необходим.

Уходят, уже не меня, а других маня
За линию горизонта, судьбы и дня.

Вокзальные галереи,
                                свистки, гудки,
На сером перроне стылые сквозняки,

Потертые чемоданы и рюкзаки,
Баулы,
                саквояжи,
                                мешки, тюки...

Философы, работяги, штурмовики,
Священники, вольтерьянцы, гробовщики,

Блюстители, конформисты,
                                бунтовщики,
Юнцы, юницы, старухи и старики,

Божившиеся, что им позарез - туда,
Куда их могут умчать мои поезда, -

Уехали-укатили за край небес,
И кажется, что и след их в дыму исчез.

А я остаюсь как дерево или куст
И с каждым из уходящих все горше пуст,

И прозрачнее надежда, что мой билет
Действителен после стольких перронных лет.

Опыт группового портрета

Те, которые стали поодаль, пожалуй что или кощунники, или святые,
А другие, которые тянутся к самому центру, - философы или плуты,
Но и те и другие, когда присмотреться,

по сущей-то сути присяжные и понятые...

Кто - скажи нам, художник, - подследственный в этой компании, если не ты?
А еще вероятней, художник, что ты не подследственный, а подсудимый,
Уличенный, как принято в наших окрестностях, чуть ли не в каждом

из смертных грехов

Пожелтевшею связкою писем, в осеннем костре догоревших

почти что без привкуса дыма,

Или белой вспышкой зарницы в угрюмых, слоистых разломах

ночных облаков...

Очевидец

Свидетельства очевидца...
Довериться ли ему,
Скрипящему, как половица
Ночами в пустом доме?
Дела очевидца плохи,
Планида его темна:
Он смешивает эпохи
И путает имена.
Он знает все факты века,
Как словник, от *а* до *я*,
И разве что дочь генсека
Его не звала в мужья,
И разве что Евтушенко
С ним не пил на брудершафт
(А впрочем, самооценка
Есть тоже одна из правд).
Он видел и то и это:
Обманывался... прозревал...
Безумствовал до рассвета,
Но с первым лучом вставал...
Не то чтоб кого-то предал -
Не струсил-то никогда
И в жизни своей не ведал
Ни зависти, ни стыда.
Свидетельства очевидца
Что стоят? Почти ничего.
Они - как та чечевица
В размене на старшинство.

...А ночью, во тьме остылой,

Слабеют и дух и плоть...
...Помилуй его, помилуй,
Прости ему жизнь, Господь.

...И вот я смотрю в окно,
А что у меня в окне?
Сначала черным-черно,
Как на океанском дне.
Когда же мелькнет луна,
То кажется: под луной
Две тысячи метров сна
Смыкаются надо мной.
Потом, привыкая, взгляд
Выхватывает из мглы
На ощупь и наугад
Овалы, круги, углы.
А следом - кубы, шары,
Иначе сказать, тела -
Вместилища той игры,
Что старше добра и зла.
А дальше, из-под руки
Вглядевшийся, узнаю
Какие-то пустяки,
Втеснившиеся в мою
Судьбу,
        например, листок
Рябины или ольхи,
Вплетенный одной из строк
В когдатошные стихи...
А что же еще, ответь,
Проступит из темноты,
Какие - хотя б на треть
Опознанные - черты?
Какие-то корпуса
Вокзалов, не то больниц,
Где, кажется, голоса
Отъединены от лиц...
А что же потом?
        Потом

В какой-то чужой стране,
Я вижу, и сад, и дом,
И лампа горит в окне,
Захлебываясь, сирень
Цветет, и шумит каштан,
И ветер летит, как тень,
За кем-нибудь по пятам...

Хотя задернута гардина,
Но за окном видна луна...
Поэзия необходима
Не тем, кому нужна она:
Не тем, кто ловит стук о стекла
Холодных капель дождевых
И числит Сафо и Софокла
Живейшими среди живых,
Не тем, кому впотьмах не спится
В подвалах и на чердаках,
Не тем, кто, словно голубица,
Весь век витает в облаках,
Не книжникам высоколобым,
Не бестолковым простакам,
Не коронованным особам,
Не образцовым беднякам, -
А марширующим солдатам,
В сердцах которых нет вины,
Особенно молодцеватым
В час тренировочной войны.

Плотогон

...Пух на груди, спина крылата...

Г. Д.

Гавриил Романович Державин,
Чуя за спиною пару крыл,
Был в повадках крут и своенравен
И в сужденьях прямодушен был.

Рядовой в полку Преображенском,
Кухню службы зная изнутри,
При лукавом царствованье женском
Вышел в кабинет-секретари.

Из провинциалов худородных,
Лишь небесным тезкою храним,
Много слов и пылких и холодных
Бросил он в лицо богам земным.

Ведал посрамленья и наветы,
Только *что* мирская ложь тому,
Кто сплавлял плоты по водам Леты
И глядел в глухонемую тьму?

Надпись на книге "Творения"

О, лебедиво!

О, озари!

Хлебников

Едва откроешь этот том -
Как в отрочестве, снова
Весенним ветром и дождем
Тебя пронижет слово.
Не потому ли столько лет
Ты мучался от жажды,
Что позабыл, какой поэт
Его постиг однажды?
Он, точно бабочек, слова
Ловил, как энтомолог,
И нежно пачкал рукава
Пыльцою недомолвок.
И пенье сфер пеленговал,
И в миг преображенья
В самом себе не признавал
Земного притяженья.
Толмач кузнечиков, и пчел,
И птичьих сновидений,
Издалека сюда забрел
Беспечный этот гений.
На занебесном языке
Принес нам пару строчек...
...И целый век корпит в тоске
Бесстыдный переводчик.

На живую нитку сметан
Человек живой.
Что в конце концов поймет он
В жизни сетевой?
Разве то, что,
                                слишком хрупок
В роковой борьбе,
Состоял он из уступок
Самому себе.
Что бы с миром ни случилось,
Но таких, как он,
Не коснется Божья милость
До конца времен.
Разве только чье-то слово,
Чуя с ним родство,
Утешает бестолково
В горестях его...

Берлинские записки

Матвею

1

Древний этот город о Москве
Мне напоминает отчего-то.
Двести лет в надмирной синеве
Стынут Бранденбургские ворота.
Пестрая воскресная толпа
В ненасытной жажде впечатлений,
Как всегда, ликующе слепа...
...Но прицельно зорок день осенний.

2

Я в короткой куртке, ты - в пальто:
День осенний холоден и ярок,
Может статься, кроме нас, никто
Этот час не примет как подарок.
Но и через семь десятков лет
Оказалось, что совсем не просто
Выйти нам двоим на Божий свет
Сквозь надгробный хаос Холокоста.

3

Кроны с темно-красною листвой
В полусотне метрах от рейхстага,
Нам вослед кивая головой,
Ждут в ответ прощающего знака...
Не однажды в обмороке сна
Вспомню я в империи ордынской,
Как молчалось ночью у окна
В номере гостиницы берлинской.

Такие, сыночек, дела, что романских героев не очень и жалко,
Пусть даже в каком-то глухом переулке им холки намнут.
Так принято, знаешь ли, в здешних краях: с колыбели и до катафалка -
Над правым и над виноватым вершить самосуд.

Под трубные звуки тяжелой, натруженной ангельской меди,
Которым, как кажется, ныне и присно не будет конца,
Одни лишь герои Эсхиловых неотразимых трагедий
Еще в состоянии скорбью обуглить сердца...

Предрассветная считалочка

1

Тополиный теплый пух
Чуть мерцает за окном
И как будто дразнит дух
Полубылью-полусном.
В этот поздний час ночной
Полубыли-полусны
Гравитацией земной
От небес отлучены.
Полубыли-полусны
Полубыли-полунет,
В ближнем небе круг луны
Истончает слабый свет...

2

Царь - вначале, а в конце,
Разумеется, портной.
Царь пирует во дворце
Вместе с юною женой.
А портной в углу своем
Занимается шитьем,
Щурит мудрые глаза
И не смыслит ни аза.

3

Дорассветное в тиши
Настроение души:
Зачиню карандаши -
То-то станут хороши.
Раз нашла такая блажь,
Вот он - черный карандаш,
Вот он - синий карандаш,
Вот он - серый карандаш.
Жаль, в наборе этом нет
Белого карандаша:
Рисовала б Божий свет
Непрозревшая душа...

Из летних заметок

1

По-домашнему тепло.
Влажной пыли острый запах,
И оконное стекло
В легких дождевых крапах.
За окном - зеленый сад.
Сумерки, начало лета...
Столько лет тому назад,
Что почти неправда это.

2

Лунный блик на дне колодца,
Слабо светится вода...
Даром, что ли, нам даётся
Чувство
жизни навсегда?
Эти шелесты немые
Влажных яблоневых крон,
Может статься, тоже мы и
Мрака нет на дне времен.

3

Полуявь ли,
полусон
В нежном обмороке лета...
Мрака нет на дне времен,
Но, быть может, нет и света.
Разве только тень крыла -
Тающего, воскового -
На судьбу мою легла
В миг, когда рождалось Слово.

4

...А когда еще не знали
Света Божьего слова,
В самом, кажется, Начале, -
Знала их уже листва.
В темной звездной вышине,
Помня
    о грядущем Сыне,
На иврите и латыни
Лепетала как во сне...

Март

...Надо бы, надо бы смазать нам петли дверные,
Чтоб не скрипели так жутко во мраке ночей.
Там, за охрипшею дверью, деревья ночные -
Липы да клены, прозрачные и ледяные,
Кажется, все еще ищут себе палачей...
Что же ты медлишь с отладкой проржавевших петель,
Пыточных камер эпохи случайный свидетель,
Нищий художник, отшельник, простак-книгочей?

По-осеннему сумрачный двор
Чуть подсвечен слепым фонарем.
В сизом воздухе тлеет костер
Из разодранных утренних дрем.
Эти клены постарше меня,
А быть может, ровесники мне,
Потому-то почти что родня
Желтизна их - моей седине.
Выйдешь из дому - холод и свет,
По-над крышами солнце встает,
Есть пространство, а времени - нет:
Ни длиннот его нет, ни пустот.
Все отчаянней день ото дня
Надо мной забирающий власть,
Каждый лист окликает меня,
Перед тем как от ветки отпасть.

Нине Локишиной

Жизнь, почтовая голубка,
Ты кому несешь привет
Не о том, что счастье хрупко,
Но о том, что счастья нет?
Кто пшеном тебя привадит,
Кто возьмет тебя силком,
Кто, дрожащую, погладит
По головке с хохолком?

...А музыка, та, что во мне жила,
Ни на одно мгновение не смолкая, -
И ныне, может быть, не умерла,
Но в том не поручусь наверняка я.
Не скрипка, нет - скорее клавесин,
Скорей пастушья дудка, а не флейта...
Садится солнце, и цветет жасмин,
И снится сон, что ты и вправду чей-то...

Чей-то промысел безгрешный,
Чей-то умысел кромешный,
А в итоге пара строк
На страничке из блокнота...
Может , и найдется кто-то,
Кто бы им поверить смог.
Кажется, еще минута -
И откроется кому-то
Там, за створками окна,
Нарисованного мною,
В берег бьющее волною
Море. Дождь. И тишина...
И безветрие. И кротко
Перевернутая лодка
В час вечерний на песке...
Пахнет солью и смолою,
И тускнеет над скалою
Бледный парус вдалеке.

І СНЫ ПАМЯТИ

Осень в Сураже

1. "Затемно, примерно в восемь..."
2. "Дождь стучит не смолкая..."

В восемь строк

1. "Сентябрь, и снова ранняя заря..."
2. "Кострами оранжево-красными..."
3. "Куда ни посмотри - капканы да силки..."
4. "Время затекает, как рука..."
5. "...Вот так и коротает ночь за ночью..."
6. "Как стенали в потемках облетающие тополи..."
7. "Что тебе сокровища буколки..."
8. "В час перехода, несмотря на..."

"...А помню даже то, чего не вспомню..."

Пентаптих

Кузнечик

1. "Под мерцанье звездных свечек..."
2. "Не в теплице гладиолус..."
3. "В утешение бродяге..."

Из детства

1. "Поздний август. Дедов дом. Крылечко. Лампочка..."
2. "Вечерний дождь прошел. Настала тишина..."
3. Дорога у дачного поселка

Зимние сумерки в Клинцах

Весна в детстве

1. "Школы нет, и бьешь баклуши..."
2. "Во ржавом желобе дрожит вода..."

Снегопад в марте

Гравюра

"Во снах земли: кувшинок, тростников..."

"...И с теплых ладошек, и с кофточек и свитерков..."

Розы Мятлева

Старики

1. "Шелохнется занавеска тюлевая..."
2. "В мимолетном промежутке..."
3. "Тюлевая занавеска..."
4. "Прислушиваюсь к старикам..."

Духота

Ночной дождь

Прикосновение

Работа гримера

В июле

В лугах

Два стихотворения

1. "Сны памяти на ощупь домотканы..."
2. "Сны памяти неуследимы..."

"В плюсквамперфекте (не сказать короче!)..."

"Преврати цветное фото..."
"Такая доля: жить в непонятой стране..."
В плюсквамперфекте (маленькая поэма)

II ГЛУХОЕ ОКНО

Вечерние прогулки

Часы ночью

Глухое окно

Зимнее утро

"Как дождь моросящий, и время течет..."

Диоген

Смерть Вольтера

"Актер играет в интерьерах..."

Рокаильный орнамент

Английские детективы

1. Артур Конан Дойль
2. Пуаро

"Вот женщина с младенцем. В полдень летний..."

Ноябрь

1. "Скорей всего, и не был виртуозен..."
2. "Больничный уклад, по правде, совсем не простая школа..."

В электричке

"Каков ты ни есть..."

Памяти Александра Галича

1. "Ничего не следует бояться..."
2. "Смотреть на то, как корчатся слова..."
3. "Вот - срамные скоморохи..."

Памяти Окуджавы

Певцы 60-ых

Памяти поэта

"Чего там стоят вирши наши..."

"Такая славная охота..."

Формула присутствия

"Как же, Господи, тесно у нас, на просторной земле..."

Последняя роза

Перепись населения

Память - местоимение

"...Те дни, что зазя профукал..."

Смотровая площадка

"Мои поезда уходят - один за другим..."

Опыт группового портрета

Очевидец

"И вот я смотрю в окно..."

"Хотя задернута гардина..."

Плотогон

Надпись на книге "Творения"

"На живую нитку сметан..."

Берлинские записки

"Такие, сыночек, дела, что романных героев не очень и жалко..."

Предрассветная считалочка

1. "Тополиный теплый пух..."
2. "Царь - вначале, а в конце..."
3. "Дорассветное в тиши..."

Из летних заметок

1. "По домашнему тепло..."
2. "Лунный блик на дне колодца..."
3. "Полуявь ли, полусон..."
4. "...А когда еще не знали..."

Март

"По-осеннему сумрачный двор..."

"Жизнь, почтовая голубка..."

"...А музыка, та, что во мне жила..."

"Чей-то промысел безгрешный..."